Сладкая Арман
Жаркие попутчики
18+

Сладкая Арман

Жаркие попутчики

«Автор»

2026

Сладкая Арман

Жаркие попутчики / Сладкая Арман — «Автор», 2026

Я застала его в постели с другой. В день нашей годовщины. В новом платье, которое я купила ради него. Он назвал меня бревном. Стылой рыбой. Женщиной, которая ничего не чувствует. Я схватила сумку и сбежала на ночной поезд к бабушке, в глухую деревню. Подальше от города и от этих слов, которые никак не выходили из головы. Но в моём купе оказались попутчики. Тёмный, с тяжёлым взглядом и опасной усмешкой. И светлый, с тёплыми руками и бесконечным терпением. Бутылка шампанского, слишком откровенный разговор, запертая дверьЯ думала, что знаю о себе всё. Что во мне ничего разбудить. Но ночь в пути длинная. Полка узкая. А они очень хотели проверить, правда ли я такая, как называл он.

© Сладкая Арман, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Жаркие попутчики

Глава 1

Над вокзалом давно опустилась ночь, когда таксист затормозил у бордюра и обернулся ко мне через плечо.

— Девушка, вы точно на поезд? Может, вас лучше в ресторан отвезти? В таком-то наряде.

Я сунула ему деньги, не дожидаясь сдачи, вытащила с заднего сиденья сумку и выбралась под мелкую октябрьскую морось. Каблуки сразу поехали на мокрой плитке. Подол алого длинного платья тут же намок и прилип к щиколоткам, меня обдало сырым ветром, проникая через пальто. Это было так остро, что на секунду захотелось разреветься прямо на глазах у носильщиков. Я стиснула зубы, перехватила лямку и пошла к кассам. Последнее свободное место осталось в купе «Люкс» на ночной поезд в сторону бабушкиной Липовки. В зале ожидания толпились мокрые куртки, из ларька тянуло жареными пирожками, и от этого меня замутило. Я прошла сквозь рамку металлоискателя, позволила охраннику провести по мне жезлом и вышла на перрон.

Поезд уже стоял. Длинный, тёмно-синий, с золотистыми полосами под окнами, он тянулся вдоль платформы куда-то в ночь, и почти во всех купе горел приглушённый свет. Я дошла до своего вагона и протянула проводнице билет и паспорт. Она изучала их с таким усердием, словно надеялась найти ошибку и избавиться от меня. Я её понимала. Перед ней стояла растрёпанная девица в мокром атласном платье до пят, с потёками туши под глазами, которые я не успела стереть. Таких принимают за сбежавших невест или за тех, кого выставили с чужой свадьбы за скандал.

Наконец она пропустила меня внутрь. Я полезла в тамбур, путаясь каблуками в подоле, и чуть не упала на железной ступеньке. Ухватилась за поручень, ледяной и скользкий, выпрямилась и пошла по вагону. Коридор тянулся узкой бордовой дорожкой, на окнах висели плотные шторы с бахромой, под ногами пружинил ковёр. Над дверями купе горели латунные номерки.

Платье, которое было сейчас на мне, стоило половину зарплаты. Я целую вечность крутилась перед зеркалом в примерочной, а продавщица, цокала языком и приговаривала, что с такой фигурой грех носить джинсы. Я смеялась и представляла, как Стас посмотрит на меня. Как вечером он будет расстёгивать молнию на моей спине, а я буду дурачиться и уворачиваться. Годовщина. Я отпросилась с работы пораньше. Открыла дверь ключом. В прихожей стояли чужие ботильоны на шпильке, красные, лакированные.

Я помню, как застыла над ними. Сестра? У Стаса нет сестры. Соседка зашла за солью? Соседки не разуваются, чтобы взять соль. А из спальни донёсся смех, высокий, грудной, с повизгиванием, и он перешёл в стон. Красться я не стала. Прошла через гостиную, и распахнула дверь спальни.

Лера из его отдела. Я видела её на новогоднем корпоративе, мы даже чокались, и она говорила, что у меня роскошные волосы и что она тоже мечтает отрастить такие. Её собственные, рыжие и мелко завитые, сейчас рассыпались по моей подушке. Стас дёрнулся, сполз с неё и схватил одеяло. Я ещё успела заметить, какое у него стало лицо: растерянное, с приоткрытым ртом.

Самое мерзкое случилось дальше. Какое-то время он лепетал, что это не то, что я думаю, что она просто зашла, что всё вышло само собой. А потом натянул джинсы, застегнул ширинку и передумал оправдываться.

— А чего ты хотела, Ника? — Он заговорил громко, рублеными фразами, как если бы это я влезла в чужую постель. — Ты себя со стороны видела? С тобой спать — как с бревном. Лежишь и ждёшь, когда всё закончится. Рыба стылая. Я год ждал, что ты оттаешь. Ты вообще хоть что-нибудь чувствуешь? Хоть раз за всё время чувствовала?

Лера, кутаясь в клетчатый плед, отвела глаза. Ей было неловко. В голове сделалось пусто и гулко, кто-то выкрутил звук до нуля. Я развернулась, вытащила с антресолей дорожную сумку и покидала туда бельё, джинсы, свитер, зарядку и косметичку.

Он что-то кричал мне в спину. Я не слушала. Хлопнула дверью, вызвала такси уже на лестнице. Бабушке звонить не стала. Решила не беспокоить ее заранее. Лучше потом все расскажу сразу.

Бревно. Рыба. Стылая. Он подбирал слова со вкусом, это я тоже запомнила. И больнее всего было то, что я ему почти поверила. С ним у меня в постели и правда ничего толком не выходило. Я старалась изо всех сил. Покупала кружево, читала статьи, пробовала то, что там советовали, изображала стоны и закрывала глаза в нужный момент. Ждала, что вот сейчас накроет, как пишут в романах. А накрывало только скукой и желанием поскорее сбежать в душ. До Стаса был ещё Костя, однокурсник, и с ним выходило точно так же. Я давно решила, что со мной что-то не так. Что меня собрали без какой-то важной детали. Даже записалась к врачу и отменила запись в последний момент, потому что не представляла, как произнести это вслух.

Седьмое купе нашлось в середине вагона. Дверь была прикрыта неплотно, из щели на ковёр падала полоса тёплого света, и оттуда доносились мужские голоса, негромкий смех, звяканье ложечки о стекло. Я остановилась. Мне до смерти захотелось, чтобы там ехала пожилая пара, или мать с ребёнком, или хотя бы одинокая учительница с кроссвордом. Кто угодно, кто не станет на меня смотреть. Я выдохнула, поправила лямку сумки и откатила створку.

Купе было похоже на шкатулку. Настенный светильник с плиссированным абажуром заливал его медовым светом, бархат бордовых диванов отливал вишней, полированное дерево блестело, на латунных поручнях дрожали блики. На столике у окна стоял чай в гранёном стакане с серебряным подстаканником, лежал потёртый кожаный чемоданчик с медными уголками. А на диванах, друг напротив друга, сидели двое мужчин, и при моём появлении оба замолчали и подняли головы.

Первый, ближний к двери, был тёмный. Чёрные кудри в беспорядке падали ему на лоб, лицо заросло густой щетиной, рубашка тёмного шоколадного цвета была расстёгнута на пару пуговиц у ворота, рукава закатаны до локтей. Руки загорелые, крупные, с выпуклыми венами, на запястье поблёскивали массивные часы. Взгляд прищуренный, тяжёлый, исподлобья. Он прошёлся по мне глазами от распахнутого ворота на груди до мокрого подола и обратно и не потрудился этого скрыть.

Второй, у окна, был светлым, словно его подобрали нарочно для контраста. Пшеничные волосы, растрёпанные и длинноватые, высокие скулы. Чёрный свитер крупной вязки с высоким воротом. Глаза серо-голубые, спокойные, и в них пряталась какая-то добродушная насмешка.

— Доброй ночи, — выдавила я. — Кажется, я ваша соседка. По билету у меня здесь нижняя полка.

— Нижняя полка ваша вот эта, — отозвался светлый и кивнул на диван под собой. — Я на неё забрался, пока никто не пришёл. Простите, сейчас освобожу.

Он поднялся, и роста в нём было столько, что макушкой он едва не задел багажную полку. Сгрёб с дивана книгу в мягкой обложке, телефон, скомканную куртку и закинул всё наверх одним движением, не глядя.

— Матвей, — представился он. — А это Глеб. Он не кусается, хотя по нему так сразу и не скажешь.

— Кусаюсь, — лениво возразил тёмный. — Но исключительно по выходным и исключительно тех, кто напрашивается.

— Сегодня пятница.

— Значит, почти выходной. Пусть девушка будет начеку.

Я не нашлась, что на это ответить, и протиснулась к своему месту. Купе и без меня было тесным для двух таких мужчин, а теперь в нём стало не повернуться. Колени Глеба торчали

в проход, и он не подумал их подвинуть, так что мне пришлось перешагивать, придерживая подол. Я сняла пальто, повесила его на крючок, задвинула сумку под диван и, разгибаясь, почувствовала его взгляд на своей спине. Платье было с открытыми лопатками, держалось на двух тонких бретелях, и я ощутила себя раздетой посреди многолюдной площади.

— Ника, — бросила я, опускаясь на бархат, просто чтобы прервать это молчаливое разглядывание.

— Красивое имя, — Матвей устроился напротив, вытянул длинные ноги. — Вам идёт. А платье идёт ещё больше. Вы с какого-то торжества?

— С похорон.

Это вырвалось само. Оба замолчали, и Глеб чуть приподнял густую бровь.

— Соболезную, — серьёзно отозвался Матвей.

— Не стоит. — Я отвернулась к окну и уставилась в своё отражение. — Покойник жив, здоров и сейчас, наверное, допивает с новой подружкой шампанское, которое я купила к нашей годовщине. Так что соболезновать некому. Просто я его для себя похоронила. Час назад. Без отпевания.

Поезд дёрнулся, лязгнул сцепками, и вокзал поплыл: жёлтые фонари, мокрый перрон, носильщик с тележкой, вокзальные шпили с подсветкой. Следом мелькнула набережная, длинная цепочка огней над чёрной водой, мост с бегущими по нему машинами. Над крышами старого города висела белая луна, круглая и равнодушная. Я не сводила с неё глаз, потому что иначе пришлось бы встречаться взглядом с попутчиками.

Глеб хмыкнул.

— Шампанское к годовщине — дело серьёзное, — протянул он. — Выходит, он вам изменил, вы застали и сбежали.

— Глеб, — укоризненно одёрнул его Матвей.

— Что? Я же угадал. По лицу видно. — Тёмный подался вперёд, упёрся локтями в колени и очутился совсем близко. От него веяло крепким табаком, кожей и чем-то пряным, древесным. — Простите мне мою прямоту, Ника. Ходить вокруг да около я так и не научился. Если хотите, чтобы я заткнулся, скажите прямо, и я буду молчать до самой вашей станции.

Я хотела кивнуть, но почему-то не сделала это.

— Идиот, — коротко припечатал Глеб.

— Кто именно? — не удержалась я.

— Ваш покойник. Променять женщину, которая ради него надела такое платье. — Он откинулся на спинку дивана и закинул руку на её край. — Я вот за всю жизнь ни одной не встречал, которая бы для меня так расстаралась.

— Потому что ты невыносим, — заметил Матвей.

— Поэтому и не встречал. Зато честно.

Я неожиданно для самой себя фыркнула. Смех вышел нервным и рваным, но это всё же был смех, и Матвей его тут же подхватил, улыбнулся шире, и на одной его щеке проступила ямочка.

— Ну вот, — удовлетворённо произнёс он. — Значит, не всё потеряно. Пациент скорее жив.

— Вы врач?

— Боже упаси. Я строитель. Мы с Глебом вдвоём держим маленькую фирму, мосты ремонтируем, дороги, всё, что разваливается. Едем на объект, на самый север, почти до конечной. Глеб раньше служил следователем, но ему надоело, что преступники разговаривают с ним невежливо. Решил, что с бетоном договориться проще.

— С бетоном точно проще, — подтвердил тёмный. — Бетон не врёт.

— А люди врут? — спросила я.

— Люди, Ника, врут всегда. — Глаза у него сделались острыми и цепкими. — Особенно когда их ловят без штанов.

Я вспыхнула. Дверь откатилась, в проёме возникла проводница с пачкой белья в руках.

— Постель берём? — Она скользнула взглядом по нам и задержалась на моём платье дольше, чем было прилично. — Чай, кофе, печенье?

— Нам бы бокалы, — Глеб даже не обернулся. — Если есть. Если нет, давайте стаканы.

— Стаканы есть.

— Тогда на всех.

Я вздрогнула. Он произнёс это так, будто меня уже записали в компанию и спрашивать моего мнения не собираются. Проводница положила бельё на край моего дивана, выставила на стол стаканы в серебряных подстаканниках и ушла, оставив после себя ощущение, что она давно обо всём догадалась и всё это решительно не одобряет.

— Я не пью, — соврала я.

— Совсем? — Матвей вскинул светлые брови.

— Сегодня не пью. Боюсь, что если начну, то уже не остановлюсь.

— А по-моему, сегодня как раз надо, — возразил Глеб. — Поминки — дело святое, без них душа неупокоенной бродить будет. Вам нужен призрак бывшего в доме?

— Он и живой мне не нужен.

— Тем более.

Он наклонился, вытащил из-под дивана спортивную сумку, рванул молнию и достал бутылку. Тёмное стекло, золотая фольга, этикетка с витиеватым вензелем.

— Откуда она у вас?

— Везли другу, — объяснил Матвей. — У него сын родился, первенец. Только он уже на радостях опустошил все запасы в своём городке, и наша бутылка ему теперь без надобности. Так что мы её спасаем.

— От чего?

— От бессмысленной жизни в багаже. Представляете, каково шампанскому ехать на север и так и не узнать, ради чего его делали?

Я покачала головой. Всё это было абсурдно. Двое незнакомых мужчин, ночь, поезд, я в вечернем платье с размазанной тушью. В любой другой день я бы вежливо улыбнулась, расстелила постель, забралась под одеяло, отвернулась к стене и пролежала до утра. В любой другой день я была бы правильной Никой, аккуратной и осторожной, которая всегда знает, что можно, а чего нельзя. Той самой Никой, с которой спать — как с бревном. Под рёбрами кольнуло. Глупо, но так остро, что я выпрямила спину.

— Знаете что, — произнесла я. — Наливайте.

Глеб широко улыбнулся. Улыбка у него вышла неожиданно юношеской и совсем не вязалась с его хмурым видом. Он содрал фольгу, скрутил проволоку, и я невольно засмотрелась на его пальцы: двигались они ловко, без лишней суеты, открывать бутылки явно было его вторым ремеслом.

— Только не в лицо, — предупредил Матвей и на всякий случай отодвинул свой чай подальше.

— Обижаешь. Я же профессионал.

Пробка вышла с мягким вздохом, без выстрела, из бутылки потянулся белёсый дымок. Глеб разлил по стаканам, пена поднялась шапкой, зашипела и осела, и первый он протянул мне.

Подстаканник был тяжёлым и тёплым от его ладони, по серебру вилась тонкая чеканка: листья, виноградные грозди, крохотная птичка. Пузырьки бежали со дна и лопались у самого края. Я следила за ними и думала о том, что, наверное, Стас тоже открыл бутылку. Мою. И Лера пьёт из моего хрустального бокала.

— За что пьём? — спросил Матвей. Он держал свой стакан на весу и не торопился.

— За похороны, — Глеб поднял свой. — Земля ему стекловатой.

Матвей поперхнулся смехом. Я тоже рассмеялась, на этот раз по-настоящему, и смех вдруг перешёл в слёзы, горячие и неудержимые. Они хлынули сами, я не успела отвернуться, стакан задрожал в пальцах, и шампанское плеснуло мне на колени, расплылось тёмным пятном по алому атласу.

— Простите, — всхлипнула я. — Простите меня, пожалуйста, мне надо выйти, я испорчу вам весь вечер.

Выйти мне не дали. Матвей пересел ко мне, мягко забрал стакан, поставил его на столик, обнял меня за плечи и притянул к себе. Я уткнулась лицом в его свитер. Шерсть колола щёку и грела, в ней прятались мороз, хвоя и что-то цитрусовое. Он не произносил ни слова, только держал. А с другой стороны на мою спину легла широкая ладонь Глеба, легла и осталась там, тяжёлая и горячая, прямо на голой коже между лопатками.

Я рыдала некрасиво, со всхлипами и икотой, так, как не позволяла себе никогда. Поезд стучал колёсами, вагон покачивало на стыках, и меня покачивало вместе с ним, между двумя чужими мужчинами, которые зачем-то решили меня пожалеть.

Потом слёзы иссякли. Я отстранилась, Матвей протянул мне бумажную салфетку. На его свитере остались чёрные разводы туши.

— Испортила, — виновато пробормотала я.

— Переживёт, — отмахнулся он. — Это самый живучий свитер на свете. Он прошёл со мной огонь и воду.

— И медные трубы, — добавил Глеб.

— Медные трубы проходил ты, и свитер на тебе был синий, и ты его прожёг сигаретой. Не путай.

Я снова засмеялась, всхлипывая, и на душе стало легко. Пусто и чисто, как бывает после грозы, когда всё вокруг вымыто до блеска. Ладонь Глеба всё ещё лежала у меня на спине, он не убирал её, а я не просила. От неё по коже расходилось тепло, тягучее, как мёд, и я поняла, что совсем не хочу, чтобы он её убирал.

— Вот, — Глеб взял мой стакан, долил доверху и снова вложил мне в пальцы. — Слёзы надо запивать, иначе они возвращаются. Так говорила моя бабка.

— Ты её никогда не видел, — напомнил Матвей. — Она умерла до твоего рождения.

— Зато какие о ней ходят легенды. Она пила наливку, гоняла деда коромыслом и ни разу в жизни не плакала.

Я сделала глоток. Шампанское было колючим, оно ударило в нёбо и тут же разлилось теплом по груди. Второй глоток дался легче, а потом я опустошила полстакана разом, и голова сделалась приятно невесомой. Глеб и Матвей переглянулись. Короткий обмен, как пас между игроками одной команды, но я его заметила.

— Так за что вас похоронили, Ника? — Тёмный упёрся затылком в стену и вытянул ноги, его колено коснулось моего бедра сквозь мокрый атлас. — Что он вам такого выдал, когда вы его застукали? Я ведь вижу, дело не в другой бабе. Плакали вы вовсе не из-за неё.

Я застыла со стаканом у губ. Откуда он знает? Как он мог такое разглядеть?

— Бывший следователь, — напомнил Матвей, словно прочёл мой вопрос. — Простите его. Он не нарочно, у него это само.

— Я не прошу прощения, — возразил Глеб, не сводя с меня тёмных глаз. — Я жду ответа.

Поезд нырнул под мост, свет мигнул, абажур качнулся, и тень от его ресниц упала на скулы. Я допила шампанское одним махом и опустила пустой стакан на стол так резко, что звякнул подстаканник.

— Он заявил, что я бревно, — проговорила я. — Стылая рыба. Что я ничего не чувствую в постели и никогда не чувствовала. Вот за что меня похоронили. Довольны?

Матвей перестал улыбаться. Глеб неторопливо взял бутылку, налил мне до краёв и только тогда поднял глаза.

— А вы сами в это верите? — негромко спросил он, и от этого низкого голоса мне вдруг стало жарко. — Что вы ничего не чувствуете?

Я хотела ответить, что да, верю, что Стас прав, что с этим ничего не поделать и что я давно смирилась. Но ладонь Матвея опустилась мне на колено поверх атласа, а Глеб протянул руку и подушечкой большого пальца стёр с моей щеки последнюю влажную дорожку. Его палец задержался на коже на мгновение дольше, чем было бы прилично, скользнул к уголку губ и замер там. Я не отстранилась. И по тому, как потемнели у обоих глаза, поняла, что они это заметили.

Глава 2

Глеб убрал палец с моих губ не сразу. Подержал ещё мгновение, словно запоминал, и лишь тогда откинулся на бархатную спинку. А мне сразу стало его не хватать. Глупость какая. Час назад я не знала, как этого человека зовут, а теперь уголок рта горел там, где лежала его рука, и требовал, чтобы она вернулась.

— Ну? — Он ждал, чуть склонив голову набок. — Верите или нет?

— Не знаю, — честно призналась я. — Раньше верила. Он ведь у меня не первый. До него был однокурсник, и с ним всё было так же. Я старалась, правда старалась. Читала, пробовала, изображала. А в сердце пусто. Как если бы всё это происходило с какой-то другой женщиной, а я наблюдаю из угла и жду, когда можно будет уйти в душ.

Ладонь Матвея на моём колене шевельнулась. Большой палец прочертил по атласу короткую дугу и замер, и я ощутила это движение так ясно, словно между нами не было никакой ткани.

— Изображала, значит, — протянул Глеб. — А он, конечно, ничего не замечал целую вечность, а сегодня внезапно прозрел. Удобно, когда тебя ловят с чужой бабой.

— К чему ты клонишь?

Я и не заметила, как перешла с ним на «ты». Он заметил. Уголок его рта дёрнулся.

— К тому, что мужик, который за всё это время не нашёл, где у женщины включается свет, обычно винит проводку. — Он усмехнулся. — Мы с Матвеем однажды снимали квартиру на объекте, где весь вечер не горела лампа в коридоре. Хозяин божился, что проводка сгнила, предлагал вызвать электрика из райцентра. А там надо было просто вкрутить лампочку как следует. До упора.

Матвей фыркнул, и его смешок отозвался во мне где-то под рёбрами, тёплый и щекотный.

— Он хочет сказать, — пояснил светлый, наклоняясь ко мне так близко, что я разглядела золотистые искры в его щетине, — что дело, скорее всего, совсем не в вас.

— Вы меня совсем не знаете.

— Пока не знаем, — согласился Матвей. — Но поезд идёт до утра, а потом ещё целый день. У нас уйма времени.

— А вам-то это зачем? — Я покачала головой. — Возиться с зарёванной незнакомкой. Ехали себе спокойно, пили чай, а тут я.

— Затем, что мне знакома эта история, — неожиданно серьёзно отозвался Матвей. — Только с другой стороны. Жена ушла от меня к своему фитнес-тренеру, а на прощание объяснила, что я скучный. Предсказуемый, как расписание электричек. Я полгода проверял каждое своё слово, каждый жест: не скучно ли. Чуть с ума не сошёл.

— И как? Проверили?

— Глеб проверил, — светлый кивнул на друга. — Вытащил меня на объект в тайгу, где на сотню километров ни одного фитнес-клуба, и заставил жить. Через месяц я уже забыл, как её звали.

— Врёт, — лениво вставил Глеб. — Помнит. Но больше не верит ни одному её слову. Вот и ты не верь.

Я засмеялась, и смех вышел уже без слёз.

— А тебя кто бросал? — спросила я у Глеба.

— Меня не бросают. — Он сверкнул глазами. — Я сам ухожу, раньше, чем мне успеют что-нибудь объяснить. Матвей считает, что это трусость. Я считаю, что экономия времени.

Матвей не отводил глаз. Серо-голубые, спокойные, они держали меня крепче, чем рука на колене. Я отпила из стакана, ещё и ещё, и поняла, что больше не боюсь. По телу разливалось шипучее тепло, мысли сделались прозрачными, как вода в бабушкином колодце, и на самом

дне этой воды лежала одна-единственная, ясная и твёрдая, как речной голыш. Если я сейчас расстелю постель и отвернусь к стенке, то так и останусь той, кем меня назвал Стас. Навсегда. Буду носить это слово, как клеймо, каждому следующему мужчине заранее извиняться и ждать, когда он тоже разочаруется. Я поставила стакан на стол.

— Знаете, что меня бесит больше всего? — Голос мой зазвучал неожиданно ровно. — Не рыжая. И даже не то, что это случилось в нашей постели. Меня бесит, что я ему поверила. Сразу, с полуслова. Он открыл рот, и я тут же согласилась. Потому что сама думала так же. Много лет.

— А теперь? — тихо спросил Матвей.

— А теперь я сижу в поезде с двумя чужими мужиками, в мокром платье, пьяная и зарёванная, и мне впервые за весь вечер хочется доказать, что он врал.

Глеб замер с бутылкой в руке. Матвей перестал улыбаться. Колёса отбили длинную дробь на стрелке, вагон качнуло, абажур бросил на стены пляшущие тени, и собственные слова донеслись до меня откуда-то со стороны, чужим голосом.

— Ника, — голос светлого стал ниже, бархатистей. — Вы выпили.

— Я выпила пару стаканов шампанского. Я помню, как вас зовут, помню, куда еду, и прекрасно помню, кто я такая. Я знаю, что делаю.

Глеб опустил бутылку на стол бережно, как ставят ловушку на птицу.

— Тогда произнеси вслух, чего ты хочешь.

Он не помогал мне. Нарочно. Я чувствовала, что последний шаг он оставил за мной, и от этого лицо полыхнуло. Слов я так и не нашла. Зато нашла его ворот: схватила тёмную рубашку в кулак, потянула на себя и поцеловала.

Он поддался на мгновение, позволил мне быть первой, и тут же перехватил поцелуй. Губы у него были твёрдыми и горячими, щетина царапнула подбородок, ладонь легла мне на затылок, пальцы зарылись в волосы и сжались в кулак, запрокидывая мне голову. Он целовал так, будто давно этого ждал. Глубоко и требовательно, раздвигая мои губы языком, проникая всё дальше, пробуя и забирая, и я впервые в жизни ответила на поцелуй всем телом сразу: грудью, животом, коленями, которые сами качнулись к нему. У меня закружилась голова. Стас целовался аккуратно, чуть влажно, вежливо стучался в дверь. Глеб в двери не стучал. Глеб их выносил с петлями.

Где-то за спиной щёлкнул замок. Матвей, оказывается, успел подняться, запереть купе и опустить шторку на окне, и теперь вернулся, опустился на диван у меня за спиной. Его колени легли по обе стороны от моих бёдер, грудь притиснулась к лопаткам, и грубая вязка царапала голую кожу.

Его губы опустились на мою шею, туда, где она переходит в плечо. Сначала едва касаясь, затем сильнее, с прикусом, и от этого прикуса всё моё тело дёрнулось, как от разряда тока. Я застонала прямо в рот Глебу. Без всякого притворства, звук вырвался, и я даже не успела его поймать. Глеб оторвался от моих губ, и в тёмных глазах сверкнула злая весёлая искра.

— Рыба, говоришь, — выдохнул он.

Я ответила тем, что опять притянула его к себе.

Матвей подцепил пальцами тонкую бретель и спустил её с плеча. Потом вторую. Атлас заскользил вниз, на мгновение задержался на груди, и Глеб одним рывком сдёрнул его до пояса. Я осталась между ними обнажённой до талии, под жёлтым кругом лампы, и под их взглядами соски у меня затвердели так, что стало почти больно.

Мне полагалось смутиться. Прикрыться ладонями, отвернуться. Со Стасом я всегда гасила свет и пряталась под одеяло. Но Глеб глядел на меня так, что прятаться не хотелось. Он глядел жадно, не скрывая, как у него ходят желваки, и под этим взглядом я расправила плечи, подставляя ему грудь.

Ладони Матвея скользнули из-за моей спины вперёд и накрыли её. Большие, тёплые, чуть шершавые от работы. Он сжал их и провёл подушечками больших пальцев по соскам. Один раз. Другой. Я задохнулась. Он поймал их пальцами, сжал, покатал, чуть оттянул на себя, и острое сладкое ощущение прострелило меня от груди в самую глубину, туда, где всё стянулось в тугой узел и потекло. Я и не знала, что грудь может так отзываться. Стас касался её мимоходом, как ручки двери, по пути к главному. А Матвей не торопился к главному. Он словно задался целью выяснить, сколько можно выжать из одного прикосновения: то едва задевал сосок краем ногтя, то накрывал всю грудь горячей ладонью и держал, не шевелясь, пока я сама не начинала тереться о его руку, то стискивал так, что я шипела сквозь зубы и подавалась навстречу, прося ещё.

Я откинула голову ему на плечо. Его дыхание обжигало мне ухо, частое и шумное, и по нему я понимала, что он заводится от каждого моего вздоха не меньше, чем я от его пальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.